

ТЕХНИКА

TALLINNA TEHNIKAÜLIKOOLI AJALEHT

ILMUB 30. APRILLIST 1949

№ 18 (1354)

Понедельник, 15 октября 1990 г.

Цена 3 коп.

Отвечает ректор

— Что для Вас значил конгресс, проходивший в Таллине в августе, и как вы оцениваете три года Вашего руководства всемирной организацией?

— Этот период был наиболее значительным в моей жизни. Когда конгресс даст точную картину состояния этой большой организации в настоящее время, то эта оценка покажет, и насколько успешной была деятельность его президента в течение последних трех лет.

— Какое влияние оказал конгресс на техническую науку Эстонии и дальнейшее развитие ТТУ?

— Надеюсь, что конгресс оказал значительное и далеко распространяющееся влияние на развитие многих направлений технической мысли в Эстонии и определит судьбу многих людей в ТТУ. Была представлена уникальная возможность общения со специалистами, коллегами — встречаться, беседовать, дать возможность выслушать себя и высказаться собеседникам. Это помогает воплощению идей. Было приятно услышать от гостей высокие оценки компетентности многих наших коллег, а также нашей деятельности и ее результатов. Возникло много новых связей, они будут развиваться.

— Вот уже второй учебный год мы начинаем как технический университет. Какие наибольшие изменения прошлого года максимально оправдывают изменения названия?

— Время перехода в роль технического университета в самом разгаре. Имеет фундаментальное значение факт принятия нового Устава университета. Это означает, что основные задачи комплексно продуманы и закреплены. Теперь можно, по мере сил, начинать претворять их в жизнь. Следует отметить существенные изменения в учебных планах, различные многосторонние формы обучения. Это дает возможность в этом учебном году начинать вводить

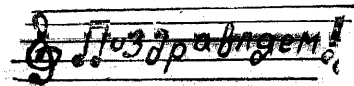
новую систему оценок. Ожидается значительное развитие зарубежных связей. Есть проблемы, решенные окончательно. К примеру, из учебного плана убрали так называемые «красные предметы», ликвидированы эти кафедры, вместо них теперь действует кафедра социальных наук. Прозвучала окончательная демилитаризация университета, военное обучение исключено из учебных планов. По новому принципу в этом году шел прием на первые курсы, мы отказались от формального комплектования групп, ориентировались в основном на прием по кафедрам. Можно привести немало примеров новых достижений.

— Какой Вам видится осень 1990 года?

— Ну, осень уже наступила, и пока она такая же, как всегда. Я верю, что она позволит эстонским земледельцам собрать хороший урожай без нашей помощи. Я надеюсь, что на Аравийском полуострове не будет войны. Я также верю, что дела Эстонии будут двигаться дальше успешно, пусть медленно и нелегко, но в итоге — успешно.

— Ваши пожелания в новом учебном году работникам и студентам ТТУ?

— Желаю всем хорошо адаптироваться в новых условиях учебы, найти в них свое место.

Студент экономического факультета может не знать, где расположена кафедра деталей машин, а механик, напротив, может не иметь понятия, в какую сторону открывается дверь кафедры бухгалтерского учета. Студент-строитель и студент-химик хорошо разбираются в коридорах и помещениях своих корпусов и не обязательно знают расположение их в соседних. Дело понятное, — у каждого своя специализация и свой набор учебных дисциплин.

Эту кафедру знают все. В русских группах на младших курсах изучают эстонский язык, в эстонских — язык русский, работники института дважды в неделю ходят на курсы по изучению государственного языка, диссертанты, авторы статей и монографий приходят сюда, чтобы им помогли с переводом или редактированием. И так далее. И, думается, все присоединятся к хору поздравлений — в этом году кафедра эстонского

и русского языков отмечает свое десятилетие. А автор этих строк делает это с особенным удовольствием и тешит себя мыслью, что имеет немножечко к юбилею отношение: и старшим лаборантом я на этой кафедре была, и почасовиком. Так что могу без натяжки говорить «наша кафедра».

Поговорим с завкафедрой — Э. Тамм.

— Эльза Ивановна, как быстро время идет! Ведь как будто вчера еще от кафедры языков отпочковалась наша...

— Да, и мне иногда так кажется. Но чаще ощущаешь — воды с тех пор утекло много. Из того, десятилетней давности, первого состава кафедры несколько человек уже на пенсии. А у других, тогда начинающих, только-только с вузовской скамьи, за плечами стажировки, аспирантуры, защищенные диссертации. Так что, конечно, приятно вспомнить, как молоды мы были, и как недавно молоды были, но

десять лет — срок изрядный. Особенно для коллектива.

— Значит, много было достижений, и годы кажутся насыщенными и наполненными.

— Да, так. Ежегодные публикации и участия в конференциях различных уровней можно даже и не называть — это текущая деятельность. Но все же отметим крупные: в издательстве «Валгус» выпущен учебник для технических специальностей вузов Эстонии. Его составил коллектив преподавателей нашей кафедры. А в позапрошлом учебном году в Таллине проходила международная конференция преподавателей русского языка и литературы — событие большой важности и значения; и организация его, конечно, лежала на наших плечах.

Мы были пионерами при введении в учебные планы преподавания эстонского языка — нашли такую возможность еще восемь лет назад (в вузах Эстонии национальный язык тогда изучался только на гуманитарных специальностях). В этом нам очень много содействия оказал проректор В. Миккал. Мы сами составили пособия, программы. Теперь изучению эстонского языка уделяется значительно больше внимания, увеличили количество часов, создали факультативные группы, курсы для желающих. Но очень скучивает отсутствие хороших учебников и пособий. И следует отметить большой энтузиазм преподавателей эстонского языка — ведь им приходится все разработки делать

самим. Ответственность за это взяла на себя доцент Хельге Кубо; она по образованию русский филолог, но сейчас полностью переориентировалась на преподавание эстонского.

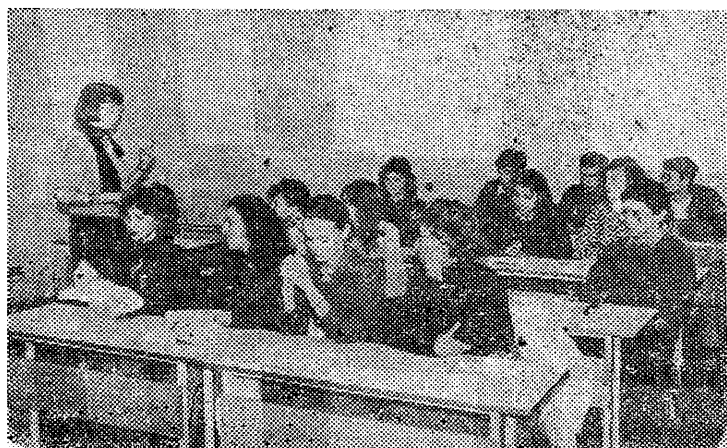
— В юбилейное время о проблемах вспоминать вроде бы не принято, но они ведь есть?

— Конечно. И о них не грех поговорить и в поздравительной ситуации — а вдруг судьба одарит нас, их разрешив. Итак, за десять лет так и не решен вопрос помещений кафедры: сейчас у нас три небольшие комнаты в трех разных концах здания. Отсутствует техника, лингафонный кабинет (небольшая комната в подвале на пятнадцать мест, которую приходится делить с кафедрой иностранных языков, положения не спасает). В

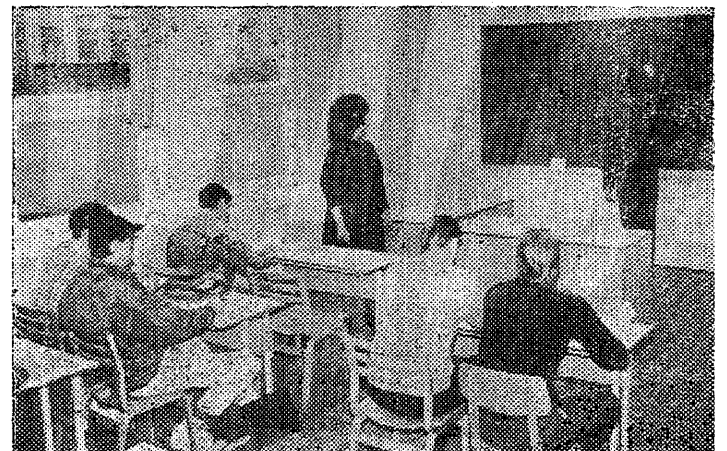
современном мире языки так не изучают — когда у преподавателя кроме доски и мела с тряпкой ничего нет. Трудности с размножением текстов — как я уже говорила, пособия приходится делать и разрабатывать самим, а полиграфические и другие печатные возможности ясно, не на высоте. Будем надеяться на дальнейшую модернизацию учебного процесса в нашем университете.

— Эльза Ивановна, а ведь наша кафедра — самая женственная в университете. Коллектив почти сплошь состоит из прекрасного пола. Дай Бог ему здоровья, красочности и вечной молодости, и чтобы дети были здоровы, тогда и достижения будут велики, а проблемы мелкими.

— Пусть так и будет! Разговаривала Н. Маевская.

Занятия по эстонскому языку в группе ТХ-17...

...и русский язык в группе АВ-11.

Фото Х. Пути.

Эстонская республика в 1920—1939 годах

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ

Вследствие первой мировой и гражданской войн, двух революций 1917 года в России экономический потенциал Эстонии был сильно подорван. Были уничтожены или вывезены за пределы Эстонии целые заводы и даже отрасли промышленности. Перестали существовать судостроительные заводы Таллина, завод «Ваксдорф» в Пярну, кожаная фабрика Вильденберга в Курессаре, фабрика «Ла Вискоза» в Хийумаа. Полностью лишился своего оборудования судостроительный завод Веккера, частично заводы «Вольта», «Руссо-Балт» и «Франц Крулль». Сократилась в этих условиях и численность квалифицированного рабочего класса.

Серьезно пострадало также сельское хозяйство Эстонии. Бесконечные реквизиции, мобилизации мужчин в армию, отсутствие нормальных возможностей для рыночной торговли — все это тяжело сказалось на положении в сельском хозяйстве. Возник острый дефицит в продуктах питания.

С наступлением мирных условий положение стало постепенно поправляться, конъюнктура была благоприятной и спрос на сельскохозяйственную продукцию постоянно рос. По условиям Тартуского мира Советская Россия выплатила Эстонии 15 млн. рублей золотом. Из этих

выдавать займы в целях оздоровления экономики республики. За 1920—1923 гг. 45% займов пошло в промышленность и только 5% в сельское хозяйство. Займы давали и для развития торговли. Активно создавались торговые и промышленные предприятия. Промышленная ориентация была связана с надеждой на возобновление торговли с Советской Россией, восстановление оборванных войной экономических связей. И крупная и средняя промышленность Эстонии традиционно была связана с российским рынком, и теперь, после окончания войны пытались эти связи использовать, поскольку Западно-Европейский рынок из-за конкуренции был недоступен. Но эти надежды сбылись только частично, в самом начале 20-х годов. Так, экспорт из Эстонии в Россию составлял в 1920 году — 15,4%, 1921 — 28,6%, а уже в 1923 — только 6,7% из всего объема экспорта Эстонии. Торговля с Советской Россией не развивалась, не поступало оттуда также нужных промышленных заказов, хотя в Эстонии были возможности для их выполнения. В результате — кризис в промышленности, банкротство многих предприятий в 1923—1924 гг.

Это обстоятельство вынудило Эстонию отказаться от ориентации на промышленное развитие. Все надежды и средства были направлены в сельское хозяйство. Но денег оставалось очень мало, к тому же часть денег вообще уже была утеряна в связи с банкротством ряда промышленных предприятий, а часть была оформлена как долгосрочные долги. Неоправданная ориентация на промышленное развитие и провал этой политики стали серьезным уроком для парламента республики, правительства, банков, предпринимателей и экономистов.

После окончания войны правительство Эстонии энергично приступило к проведению реформы. До провозглашения республики из всего земельного фонда владельцам имений принадлежало 58% (в т. ч. пригодной для сельского хозяйства 47,2% плюс леса и непригодных — 86,2%). Из имевшейся земли помещики использовали в сельскохозяйственном производстве сами 59,3%, остальную землю сдавали в аренду крестьянам.

В ходе реформы начала 20-х годов у помещиков было отчуждено 96,6% принадлежащих им земель. Вместе с землей отчуждению подлежали также хозяйственные постройки, промышленные предприятия и производства, сельскохозяйственный инвентарь, скот, часть урожая. При наделении земель преимуществ имели участники Освободительной войны (солдаты, офицеры), причем более 2000 отличившимся в боях землю давали бесплатно.

До конца 1921 г. было выдано 17138 разрешений на право владения земельным участком. Реформа продолжалась до конца 20-х годов и в 1929 году в Эстонии уже насчитывалось 40 тысяч новоземельцев. В ходе реформы хутора арендаторов на бывших помещичьих землях перешли в разряд государственных арендных хуторов. Их число к 1929 г. составило 20117. Всего в Эстонии к 1929 г. было 133357 хуторов и 21977 минихозяйств (земли менее 1 га).

Плата за землю была сравнительно высокой, но в расщелку до 60 лет. Для того, чтобы новые землевладельцы смогли быстрее начать вести хозяйство, возводить хозстроения и дома, им стали с 1922 г. давать займы. Всего за 1922—1929 гг. было выдано займов на строительство в размере 22 млн. крон (общая сумма крон из них 18 млн. было выделено в 1923—1931 гг.).

Кредитование сельскохозяйственного производства в 20-е годы шло по восходящей линии, и займы стали давать также старым хуторам. Важной статьей кредитов было в Эстонии развитие различных обществ и кооперативов по производству молока и других сельскохозяйственных обществ, кооперативов. На конец 1929 г. в Эстонии было более 400 молочных обществ. В годы великой депрессии, экономического кризиса 1929—1933 гг. число обществ несколько сократилось. В 1939 г. действовали 233 крупных общества по экспорту масла и 80 других меньших размеров молочных обществ. Этим обществам выделили на выгодных условиях займы на развитие соответствующей технологии по переработке молока, на закупку современного оборудования и строительство новых предприятий по переработке молока и производству масла. За пример взяли достижения в этой отрасли Дании и всячески пропагандировали ее успехи. При этом были даже известные перемены в оценке реальных возможностей политики данизации. Так, например, министерство сельского хозяйства в 1925 г. составило план, по которому предусматривалось за 10 лет увеличить экспорт масла в 10 раз. В действительности в 1925 г. было вывезено 6445 тонн масла, а в 1935 — 10838 тонн.

Важнейшим экономико-политическим мероприятием в 20-е годы стало получение Эстонией внешнего займа. В

связи с неудачей осуществления планов промышленной ориентации Эстонии и другими ошибками первых лет в республике возник финансовый кризис. Для преодоления этого кризиса и оздоровления экономики в целом министр финансов О. Страндман разработал в 1924 г. специальную программу, которая и была в последующем осуществлена. С помощью Лиги Наций Эстония получила (для реформы своей финансовой и банковской системы) внешний займ в сумме 28 млн. крон. Этот займ был реализован в 1927 г. через банки в Нью-Йорке и Лондоне. С 1 января 1928 г. вместо прежних марок и пеней в оборот вошли кроны и центы. Крона стала конвертируемой валютой.

Быстрый экономический рост Эстонии в 20-е годы сменился глубоким кризисом 1929—1934 гг., который потряс весь капиталистический мир. Поскольку кризис коснулся всех, и богатых и бедных, то и правительство помогало по возможности всем. Для безработных, в частности, создавали временные рабочие места, связанные со строительством и ремонтом дорог, расширением и углублением портов, землеустройством, работой на военных объектах. Зарплата была низкой и работа тяжелой. Но это было все же лучше, чем вообще не иметь работы.

В условиях кризиса, многие хуторяне не могли, в силу низких доходов, выплачивать долги и проценты по займам. В результате часть хозяйств была продана на аукционах. Хотя и с трудностями, но постепенно снова началась экономический подъем, оживление торговли и деловой жизни. За короткое время по всем показателям экономика достигла уровня 1929—1930 гг. Общая конъюнктура во второй половине экономического развития была благоприятной. Плата модернизации промышленности, предприятий перерабатывающих отраслей в пищевой промышленности, стремилась более эффективно использовать имеющиеся экономические резервы и природные ресурсы. Правительство поддерживало денежными премиями тех хуторяне, которые окультуривали малопродуктивные земли, осваивали новые участки. Государство давало на выгодных условиях займы для покупки тракторов и другой техники, способствовало распространению агрономических и зоотехнических знаний среди крестьян.

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В Эстонской Республике доминирующей отраслью экономики являлось сельское хозяйство. Оно давало примерно 2/3 всей продукции народного хозяйства и в ней было занято до 60% населения республики. В сельскохозяйственном производстве главным было животноводство и здесь в свою очередь ведущее место занимало молочное животноводство.

После первой мировой войны во многих странах Восточной и Центральной Европы была проведена земельная реформа. Значительно уменьшились принадлежащие помещикам земли и имущество. Земельные реформы, осуществленные в Эстонии и Латвии, были наиболее глубокими и привели почти к полной ликвидации помещичьего землепользования. Для такого радикализма эстонцев и латышей было ряд причин. Три главных из них состояли в следующем: 1. Влияние Октябрьской революции и ее лозунгов о земле было в Прибалтике очень большим. 2. Помещики — немецкие бароны в допол-

нение к социальному угнетению всячески противодействовали культурному развитию эстонцев и латышей, проводили политику их национального угнетения и поэтому заслужили двойную неприязнь коренного населения. 3. Закон о земельной реформе был в Эстонии и Латвии принят в обстановке, когда ненависть народа к немецким помещикам особенно возросла в связи с немецкой оккупацией в 1918 г. и войной против ландсвера летом 1919 г.

Социалисты и трудовики, которые имели наибольшие заслуги в том, что был принят радикальный закон о земельной реформе, добились и его последовательного проведения в жизнь. В результате осуществления земельной реформы коренным образом изменилась вся аграрная структура Эстонии. До реформы здесь было более 1000 крупных дворянских имений, значительное число меньших по размеру имений, принадлежащих городам, сословиям, банкам, а также 260 церковных имений. Помещичье крупное производство занимало четверть всех сельскохозяйственных земель. После реформы в Эстонии остались только крестьянские хозяйства и 57 государственных имений. Количество хуторов увеличилось в основном за счет земельной реформы.

Во второй половине 30-х годов был осуществлен целый ряд мероприятий, направленных на упорядочение и повышение эффективности сельскохозяйственного производства. Широко осуществлялась мелиорация, осваивались новые участки сельскохозяйственных земель, окультуривались природные сенокосы. Планировалось также значительно повысить уровень механизации сельскохозяйственных работ. В результате всего этого намечалось увеличить производство продукции земледелия примерно в 2,5 раза.

Главным направлением в сельском хозяйстве Эстонии было животноводство. Темпы роста здесь были несколько выше, чем в растениеводстве и эта отрасль давала большую часть (примерно 70%) товарной продукции хуторов. В основном продавали мясо, яйца и, в особенности, молоко.

Увеличению производства молока во многом способствовала успешная продажа сливочного масла на внешнем рынке. Количество экспортируемого из Эстонии масла возросло за 1922—1925 гг. в 6,4 раза. Начиная с 1925 г. иностранная валюта, выручаемая за продажу масла, составляла четверть всех экспортных доходов Эстонии, в 1929—1932 гг. около одной трети и в последующем — 20—25%. Не было такого вида продукции, который по своей экспортной весомости мог сравниться с маслом. По количеству реализуемого за границей сливочного масла (в расчете на душу населения) Эстония занимала второе место в мире после Дании, значительно опережая в этом отношении всех других продавцов. Эстонское масло поставлялось в основном на рынки Англии и Германии.

Основная часть производимого в Эстонии мяса потреблялась на месте и экспортировалось только 4,3—6,9%. Из общего количества мяса свинина составляла 50—60%, говядина — примерно 1/3 и баранина — 10—13%. Говядина являлась побочной продукцией молочного животноводства (забивали телят и забракованный взрослый скот). Такого специального выращивания бычков на мясо, как это имеет место в настоящее время, в Эстонии в то время не практиковали.

Производимое в республике количество мяса обеспечивало сравнительно высокий уровень его потребления как в сельской местности, так и в городе. В 1938—1939 гг. на одного члена семьи в деревне приходилось мяса: в бедняцких хозяйствах — 43,4 кг, в середняцких — 56,4 кг, в хозяйствах деревенской буржуазии — 64,0 кг и в среднем по всем хозяйствам — 53,4 кг.

В городах на каждого человека приходилось: в рабочих семьях — 47 кг и в семьях служащих — 46 кг. По этим показателям Эстония отставала от США и других государств с высоким потреблением мяса, однако была на одном уровне со многими развитыми странами (Англия, Германия), а некоторых из них даже опережала (Франция, Финляндия, Швеция, Норвегия).

На внешний рынок Эстония поставляла бекон. В 30-е годы выручаемая за это валюта составляла обычно 3—5% общих поступлений от экспорта. Других видов мяса вывозилось мало, однако во второй половине 30-х годов значительные размеры приобрел экспорт живых свиней и поросят. Всего доход от продажи мяса и живого скота составлял в 1933—1938 годах 7—12% общей суммы, получаемой от экспорта.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Когда выяснилось, что восстановить и развивать промышленность Эстонии в том виде, как это было в годы до 1 мировой войны, нет возможности, приступили к существенным преобразованиям в этой области. В промышленности Эстонии было две отрасли: текстильная промышленность (19140 рабочих в 1913 г.) и металлообрабатывающая (16700 рабочих в 1913 г.), которые в предвоенные годы заметно доминировали над всеми другими. Обе эти отрасли опирались в основном на ввозимое из России сырье, и их продукция также в большей части шла на российский рынок.

В начале 20-х годов предприятия металлообрабатывающей промышленности работали с большой недогрузкой в ожидании крупных заказов из Советского Союза. На трех больших таллинских судостроительных заводах положение было следующим: по сравнению с 1917 г. на Русско-Балтийском заводе в 1922 г. было занято лишь 12% рабочих, на Петровском заводе — 27%. Значительно ниже своих возможностей действовал и судоремонтный завод Веккера. На электромоторном заводе «Вольта» летом 1923 г. рабочих было всего 10% от их количества в 1913 г. на «Двигателе» — 20%. Это предприятие было крупным вагоностроительным заводом, где в 1913 г. было выпущено 1334 вагонов и платформ, а в 1923 г. — только 73.

Довольно большими машиностроительными заводами были также акционерные общества «Фр. Вийганд» (в последствии «Ильмарине») и «Франц Крулль». Оба эти предприятия начали уже в 1920 г. приспособлять свое производство к потребностям внутреннего рынка (они делали машины и оборудование, необходимые для местной промышленности и сельского хозяйства) в связи с чем мощности этих предприятий использовались полнее — на «Ильмарине» в 1922 г. было занято 60% и на «Франце Крулль» — 80% рабочих (по сравнению с 1913 г.).

(Окончание на 3-й стр.)

Эстонская республика в 1920—1939 годах

(Начало на 2-й стр.)

Среди крупных предприятий текстильной промышленности было два настоящих гиганта — Кренгольмская мануфактура в Нарве и Балтийская мануфактура в Таллине. В 1923 г. на этих фабриках вместе было занято 39% рабочих (по сравнению с 1913 г.). С очень большой недогрузкой работало крупнейшее предприятие деревообрабатывающей промышленности — фанерно-мебельная фабрика Лютера, а также цементные заводы в Кунда и Азери, многие другие предприятия.

Развитие промышленности в Эстонии в годы независимости можно разделить на пять периодов: во-первых, время так называемой промышленной ориентации (1920—1924 гг.); во-вторых, стабилизация и перестройка промышленности (1925—1927 гг.); в-третьих, период первого промышленного подъема (1928—1931 гг.); в-четвертых, годы кризиса (1931—1934 гг.); в-пятых, период послекризисного развития и второго промышленного подъема (1934—1939 гг.).

Многие текстильные и металлообрабатывающие предприятия царского времени не смогли достигнуть своей прежней мощности и в годы наиболее высокого промышленного подъема. На крупных предприятиях текстильной промышленности работало в 1939 г. всего 10468 рабочих, что было почти наполовину меньше, чем в 1913 г. Однако, несмотря на спад по сравнению с предвоенным периодом, текстильная промышленность оставалась наиболее развитой отраслью промышленности Эстонии и в 1939 году она давала примерно четвертую часть всей промышленной продукции. Четверть текстильной продукции реализовывалась на внешнем рынке и в общем объеме экспорта (по стоимости) эта продукция в 30-е годы составляла 10—12%

(в предыдущие годы даже больше — 15—19%). Такого веса готовой продукции в экспорте не было ни у какой другой отрасли промышленности республики.

Большая часть используемого в текстильной промышленности Эстонии сырья (хлопок, шерсть, джут) ввозилось из-за границы. Однако Эстония сама вывозила значительное количество такого вида сырья для текстильной промышленности, как лен. В начале 20-х годов денежные поступления от продажи льна составляли примерно 20—25% всех экспортных доходов и они покрывали расходы, связанные с закупкой импортного сырья. В последующем эти доходы и расходы были примерно равными, а в конце 30-х годов от экспорта льна поступало примерно 75% той суммы, которая уплачивалась за импортные хлопок, шерсть и джут.

Поскольку заказов для металлообрабатывающей промышленности из Советской России не поступало, то в середине 20-х годов приступили к сокращению и перепрофилированию этой отрасли. Три вышеперечисленных больших судостроительных завода были ликвидированы, их оборудование продано, а здания использовались другими более мелкими предприятиями. Например, на территории завода Беккера действовала стекольная фабрика И. Лоруна (ныне «Тарбеклаас»), административное здание Русско-Балтийского завода было передано в 1932 г. Таллинскому техникуму.

Другие, наиболее крупные предприятия металлообрабатывающей промышленности переориентировались на производство необходимых для внутреннего рынка товаров и оборудования (различная сельскохозяйственная техника, машины и оборудование для молочной и торфяной про-

мышленности, мельниц, лесопилок, запасные части к ним, товары ширпотреба для населения и др.). Из этих крупных предприятий, как уже было отмечено выше, успешнее других приспособились к новым условиям акционерные общества «Франц Крулл» и «Ильмарине». Был основан и ряд новых предприятий. Например: радиозавод «Ара» и «РЭТ», завод по производству проволоки и кабеля «Урания» (ныне «Ээсти Каабель»), фабрика Р. Таваста, которая выпускала различные изделия из цветных металлов и др.

В 1925—1928 гг. выпуск продукции металлообрабатывающей продукции не увеличивался, однако затем до 1931 г. наблюдался значительный рост, последовали два кризисных года и начиная с 1934 г. снова напряженный рост до начала второй мировой войны.

Если текстильная и металлообрабатывающая промышленность не достигли к концу периода независимости довоенного уровня, то промышленность Эстонии в целом превысила к концу 30-х годов этот уровень как по объему продукции, так и по количеству занятых в ней рабочих. В промышленности Эстонской Республики имели место существенные структурные сдвиги, а не спад и кризисы, как это утверждалось в истории периода сталинизма и застоя.

Структурные сдвиги носили двойной характер: во-первых, изменение пропорций отдельных отраслей промышленности, связанное с существенными различиями в их развитии; во-вторых, дробление промышленности, образование многочисленных более мелких предприятий и уменьшение количества предприятий-гигантов. Указанные изменения обуславливались объективной действительностью 20—30-х годов, существованием эстонского государства как

самостоятельной экономической системы.

Быстро развивалась в Эстонии пищевая промышленность. Если в 1913 г. на крупных предприятиях этой отрасли было занято 670 рабочих, то в 1939 г. — уже более 3200 (рост в 4,8 раза). Была построена большая мельница фирмы братьев Пузов, модернизировано мукомольное предприятие и пекарня Роттермана. В 1921 г. была основана табачная фабрика «Лаферма» и шоколадная фабрика «Кавэ» (владельцы братья Вальнеры). Кроме указанных было создано или же реконструировано еще множество других мелких и средних предприятий в этой отрасли. По хозяйственной переписи 1936 г. их было уже 1606 (43,5% от количества всех предприятий). По числу работающих и объему продукции на долю этой отрасли приходилось 15% (второе место после текстильной промышленности).

По статистике периода независимости молочная и мясная промышленность относились к сельскому хозяйству. Рост в этих отраслях был в 20—30-е годы особенно сильным, и они давали значительную часть экспортной продукции. Если названные отрасли так же причислить к пищевой промышленности, то она по своему удельному весу значительно превышала текстильную.

Целлюлозно-бумажная промышленность в Эстонии была в основном создана еще в предвоенные годы. На Северной бумажно-картонной фабрике работало в 1939 г. свыше 800 рабочих, на бумажных фабриках в Таллине, Тюри и Кожила — 220—240 рабочих. Всего в этой отрасли промышленности было 32 предприятия (1936 г.) и производство развивалось сравнительно плавно. Только спад в годы кризиса был большим, чем в других

отраслях промышленности. Продукция целлюлозно-бумажных предприятий составляла в 1935—1937 гг. 8—10% общего объема промышленной продукции республики. С пуском большой современной фабрики в Кеэра этот процент поднялся еще выше.

Развитие деревообделочной промышленности стало в 30-е годы ограничиваться тем обстоятельством, что пришлось сократить вырубку леса. Крупнейшим предприятием в этой отрасли была фанерно-мебельная фабрика А. М. Лютера, где в конце 1938 г. трудилось 1600 рабочих. Общее число деревообделочных предприятий было очень большим (всего примерно 850) и это в основном за счет многочисленных небольших лесопилок, которые особенно необходимы были в сельской местности. По удельному весу деревообделочная промышленность составляла в конце 30-х годов 6—7% из общего объема промышленной продукции. В предшествующие десятилетия этот показатель колебался в пределах 10—12%.

Из продукции целлюлозно-бумажной и деревообделочной промышленности две трети поставлялось на внешний рынок (экспортировались в основном целлюлозу, фанеру, различные пиломатериалы). В связи с этим продукция этих двух отраслей занимала важное место в общем экспорте: сырье и полуфабрикаты — 18—25%, готовая продукция в 20-е годы — 12—15%, в 30-е годы — 6—9%.

В заключение можно отметить, что промышленность в Эстонской Республике развивалась в соответствии со спросом на внутреннем рынке и возможностями экспорта. Значительную роль в его становлении и развитии сыграл иностранный капитал. По сравнению с периодом, предшествующим независимости, значительно уменьшилась концентрация производства и расширилась номенклатура производимой продукции.

А. Русман.

Как нам обустроить Россию

Об этой работе сейчас много говорят. Разного — одобряющего, осуждающего, нет только равнодушных. Публицистическое слово Александра Исаевича Солженицына «Как нам обустроить Россию» задает за живое каждого, кто хотя бы бегло с ним ознакомился. Ему было отведено время для обсуждения даже на сессии Верховного Совета СССР — не часто такое случается с публицистикой.

Предлагаем читателям отрывок этой работы. Полный текст был опубликован в «Литературной газете» и «Комсомольской правде».

Часы коммунизма — свое отбили.

Но бетонная постройка его еще не рухнула.

И как бы нам, вместо освобождения, не расплющить под его развалинами.

МЫ — НА ПОСЛЕДНЕМ ДОКАТЕ

Кто из нас теперь не знает наших бед, хотя и покрытых лживой статистикой? Семьдесят лет влачатся за слепородной и злокачественной марксоловинской утопией, мы положили на плахи или спустили под откос бездарно проведенной, даже самоистребительной, «Отечественной» войны — треть своего населения. Мы лишились своего изобилия, уничтожили класс крестьянства и его селения, мы отбили самый смысл выращивать хлеб, а землю отучили давать урожай да еще заливали ее морями-болотами. Отходами первобытной промышленности мы испакостили окрестности

городов, отравили реки, озера, рыбу, сегодня уже окончательно губим последнюю воду, воздух и землю, еще и с добавкой атомной смерти, еще и прикупая на хранение радиоактивные отходы с Запада. Разоряя себя для будущих великих захватов под безумным руководством, мы вырубали свои богатые леса, выграбили свои несравненные недра, невосполнимое достояние наших правнуков, безжалостно распродали их за границу. Изуродовали наших женщин на ломовых неподъемных работах, оторвали их от детей, самих детей пустили в болезнь, в дикость и в подделку образования.

Но так устроен человек, что всю эту бессмыслицу и губление нам посильно сносить хоть и всю нашу жизнь насквозь — а только бы кто не посягнул обидеть, затронуть нашу а и ц и ю! Тут — уже нас ничто не удержит в извечном смиреннии, тут мы с гневной смелостью хватаем палки, пики и ружья и кидаемся на соседей, поджигать их дома и убивать. Таков человек: ничто нас не убедит, что наш голод, нищета, ранние смерти — что какая-то из этих бед первой нашей национальной гордости.

И вот почему, боясь предположить какие-то шаги по нашему выздоровлению и устроению, мы вынуждены начинать не со сверлящих язв, не с изводящих страданий — но с ответа: а как будет с нациями? в каких географических границах мы будем лечиться или умирать? А уже потом — о лечении.

А ЧТО ЕСТЬ РОССИЯ?

Эту «Россию» уже затрепали-затрепали, всякий ее при-

ккает ни к ядру, ни к месту. И когда чудовище СССР лез захватывать куски Азии или Африки — тоже во всем мире твердили: «Россия, русские...»

А что же именно есть Россия? Сегодня? И — завтра (еще важнее). Кто сегодня относит себя к будущей России? И где видят границы России сами русские?

За три четверти века — при вдобавляемой нам и прогрокоченной «социалистической дружбой народов» — коммунистическая власть столько запустила, запутала и намерзла в отношениях с этими народами, что уже и путей не видно, как же нам вернуться к тому, с прискирбным исключением, спокойному сожитию наций, тому даже дремотному неразличению наций, какое было почти достигнуто в последнее десятилетие дореволюционной России. Еще б, может, и не упущено разобрататься и уладить — да не в той лихой беде, как буря, завертешней нас теперь. Сегодня видится так, что мирней и открытой для будущего: кому надо бы разойтись на отдельную жизнь, так и разойтись. И именно при этом всеместном национальном изводе, заслоняющем нам остальную жизнь, хоть пропади она, при этой страсти, от которой мало сегодня кто в нашей стране свободен.

Увы, многие мы знаем, что в коммунальной квартире порой и жить не хочется. Вот — так сейчас у нас накалено с нациями.

Даже уже во многих окраинных республиках центробежные силы так разогнаны, что не остановить их без насилия и крови — да и не надо удерживать такой ценой! Как у нас все теперь по-

колесилось — так все равно «Советский Социалистический» развалится, все равно! — и выбора настоящего у нас нет, и размышлять не над чем, а только — поворачиваться проворней, чтоб упредить беду, чтобы раскол пошел без лишнего страданий людских, и только тот, который уже действительно неизбежен.

И так я вижу: надо безотложно, громко, четко объявить: три прибалтийских республики, три закавказских, четыре среднеазиатских, да и Молдавия, если ее к Румынии больше тянет, эти одиннадцать — да! — беспримерно и бесповоротно будут отделены.

О Казахстане. Сегодняшняя огромная его территория нарезана была коммунистами без разума, как попадя: если где копытные стада раз в год проходят — то и Казахстан. Да ведь в те годы считалось: это совсем неважно, где границы проводить — еще немножко, вот-вот, и все нации сольются в одну. Проницательный Ильич — первый называл вопрос границ «даже десятистепенным» (Так и Карабах — отрезали к Азербайджану, какая разница — куда, в тот момент надо было угодить сердечному другу Советов — Турции). Да до 1936 года Казахстан еще считался автономной республикой в РСФСР, котом возвели его в союзную. А составлен-то он — из южной Сибири, южного Приуралья да пустынных центральных просторов, с тех пор преобразованных и возрожденных русскими, эсками, да ссыльными народами. И сегодня во всем раздутым Казахстане казахов заметно меньше половины. Их сплотка, их устойчивая отечественная часть — это большая

А. И. Солженицын

южная дуга областей, охватывающая с крайнего востока на запад почти до Каспия, действительно населенная преимущественно казаками. И коли в этом охвате они вахотят отделиться — то и с Богом!

И вот за вычетом этих двенадцати — только и останется то, что можно назвать Русь, как называли издавна (слово «русский» веками обнимало малороссов, великороссов и белорусов) или Россия (название с XVIII века) или, по верному смыслу теперь: Российский Союз.

И все равно — еще останется в нем сто народов и народностей, от вовсе немалых до вовсе малых. И вот тут-то, с этого порога — можно и надо проявить нам всем великую мудрость и доброту, только с этого момента можно и надо приложить все силы разумности и сердечности, чтоб утвердить плодотворную содружность наций, и цельность каждой в ней культуры, и сохранности каждого в ней языка.

2

СЛОВО К ВЕЛИКОРОССАМ

Еще в начале века наш крупный государственный ум С. Е. Крыжановский предвидел: «Коренная Россия» не располагает запасом культурных и нравственных сил для ассимиляции всех окраин. Это истощает русское национальное ядро.»

А ведь сказано то было — в богатой, цветущей стране, и прежде всех миллионов истреблений нашего народа, да не слепо подряд, а уцелено выбивавших самый русский выбор.

(Окончание на 4-й стр.)

(Начало на 3-й стр.)

А уж сегодня это звучит с тысячекратным смыслом: нет у нас сил на окраины, ни хозяйственных, ни духовных. Нет у нас сил на Империю! — и не надо, и свались она с наших плеч: она нас размозжает, и высасывает, и ускоряет нашу гибель.

Я с тревогой вижу, что пробуждающееся русское национальное самосознание во многой доле своей никак не может освободиться от пространнодержавного мышления, от имперского дурмана, переняло от коммунистов никогда не существовавший дутый «советский патриотизм» и гордится той «великой советской державой», которая в эпоху чужки Ильича-второго только изглодала последнюю производительность наших десятилетий на бескрайние и никому не нужные (и теперь вхолостую уничтожаемые) вооружения, опозорила нас, представила всей планете как лютую, жадного безмерного захватчика — когда наши колени уже дрожат, вот-вот мы свалимся от бессилия. Это вреднейшее искривление нашего сознания: «зато большая страна, с нами везде считаются» — это и есть,

уже при нашем умирании, беззаветная поддержка коммунизма. Могла же Япония примириться, отказаться и от международной миссии и от заманчивых политических авантур — и сразу расцвела.

Надо теперь жестко выбрать: между империей, губящей прежде всего нас самих, — духовным и телесным спасением нашего же народа. Все знают: растет наша смертность, и превращает рождаемость — мы так исчезнем с лица Земли! Держать великую империю — значит, вымертвлять собственный народ. Зачем этот разнопестрый сплав? — чтобы русским потерять свое неповторимое лицо? Не к широте Державы мы должны стремиться, а к ясности нашего духа в остатке ее. Отделением двенадцати республик, этой кажущейся жертвой — Россия, напротив, освободит сама себя для драгоценного внутреннего развития, наконец обратит внимание и прилежание на саму себя. Да в нынешнем смещении — какая надежда и на сохранение, развитие русской культуры? все меньшая: все идет — в перемес и в перемол.

К сожалению, этот мираж «единицеделемства» 70 лет несла через свою нищету и беды и наша стойкая, достойная русская эмиграция. Да

ведь для «единицеделемца» 1914 года и Польша «наша» (взбалмошная фантазия Александра I «осчастливить» ее своим попечительством), и никак «отдать» ее нельзя. Но кто возьмется настаивать на этом сегодня? Неужели Россия обеднела от отделения Польши и Финляндии? Да только распрямилась. И так — еще больше распрямится от давящего груза «среднеазиатского «подбрюшья», столь же недуманного завоевания Александра II, — лучше бы он эти силы потратил на неотрепоенное здание своих реформ, на рождение подлинно народного земства.

Наш философ этого века Ив. А. Ильин писал, что духовная жизнь народа важнее охвата его территории или даже хозяйственного богатства; выздоровление и благодействие народа несравненно дороже всяких внешних престижных целей.

Да окраины уже реально отпадают. Не ждать же нам, когда наши беженцы беспорядочно хлынут оттуда уже миллионами.

Надо перестать попугайски повторять: «мы гордимся, что мы русские» «мы гордимся своей необъятной родиной», «мы гордимся...» Надо понять, что после всего того, чем мы заслуженно гордились,

наш народ отдался духовной катастрофе Семнадцатого года (шире: 1915—1932), и с тех пор мы — до жалкости не прежние, и уже нельзя в наших планах на будущее заноситься: как бы восстановить государственную мощь и внешнее величие прежней России. Наши деды и отцы, «втыкая штык в землю» во время смертной войны, дезертируя, чтобы пограбить соседей у себя дома, — уже тогда сделали выбор за нас — пока на одно столетие, а то, смотри, и на два. Не гордиться же нам и советско-германской войной, на которой мы уложили за 30 миллионов, вдесятеро гуще, чем враг, и только утвердили над собой деспотию. Не «гордиться» нам, не протягивать лапы к чужим жизням — а осознать свой народ в провале измощающей болезни, и молиться, чтобы послал нам Бог выздороветь, и разум действий для того.

ПРОЦЕСС РАЗДЕЛЕНИЯ

Итак, объявить о несомненном праве на полное отделение тех двенадцати республик — надо безотлагательно и твердо. А если какие-то из них заколеблются, отделяться ли им? С той же несомненностью вынуждены объявить о нашем отделении от них —

мы, оставшиеся. Это уже слишком назрело, это необратимо, будет взрываться то там, то сям; все уже видят, что вместе нам не жить. Так не тянуть взаимное обременение.

Еще этот мучительный и затратный процесс разделения отяжелит первый переходный период для всех нас, первую пору нового развития: сколько еще нужно средств, средств, когда их и так нет. Одно лишь это разделение прояснит нам позор будущего.

Но самого реального отделения нельзя произвести никакой одномоментной декларацией. Всякое одностороннее резкое действие — это повреждение множества человеческих судеб и взаимный развал хозяйства. И это не должно быть похоже, как бежали португальцы из Анголы, отдав ее беспорядку и многолетней гражданской войне. С этого момента должны засесть за работу комиссия экспертов всех сторон. Не забудем и: как безответственно — небрежно была советская прометка границы. В каких-то местах может понадобиться уточненная, по истинному расселению, в каких-то — и местные плебисциты под беспристрастным контролем.

Конечно, вся эта разработка может занять несколько лет.

«Мы сдаем экзамены каждые две недели, а праздник устраиваем, когда захотим»

Молодой человек из шведской глубинки имеет не меньше шансов на высшее образование, чем столичный житель и наверняка больше, чем наши земляки. В неспешных беседах в маленьком городке Трольхеттане я попыталась разобраться в шведской системе образования. Вдруг что-то пригодится и нам в Эстонии?

Моя собеседница Рита была откровенна. Ее воспоминания о студенческой жизни свежи и достоверны.

— Рита, а почему ты выбрала Йёнчёпинг, а не Стокгольм или какой-нибудь другой большой город?

— Здесь есть факультет инженеров по технике безопасности, единственный в Швеции.

— Ты почувствовала свое призвание быть инженером именно по технике безопасности?

— Просто это редкая специальность. Не из-за нехватки специалистов, ведь многие из тех, кто закончил университет со мной, еще не нашли работы. Дело в том, что инженер по технике безопасности «стоит дорого», и поэтому работает сразу на несколько предприятий. Честно говоря, это очень хлопотно, зато повышает шанс на работу.

— В чем заключаются твои обязанности?

— Во-первых, ответственность за технические и психологические условия работы на предприятиях и в учреждениях. Мы стараемся уменьшить риск профессиональных заболеваний. Во-вторых, мы работаем с персоналом и участвуем в планировании рабочих мест. В отличие от Советского Союза, в Швеции техника безопасности — серьезное дело, и работаем мы целой командой, вместе со специалистами по лечебной гимнастике, врачами, медсестрами и психологами.

— Сколько нужно учиться, чтобы получить эту профессию?

— Факультет открылся в 1979 году. С 79 по 89 образованные длилось полтора или два

года — по выбору. В основном студенты выбирают полтора года, но те, кто не сразу нашли работу, могут остаться еще на полгода и заняться исследовательской работой.

— Как поступить в университет?

— Существует много способов. Но прежде всего ты должен выполнить программу — минимум для поступления в вуз в Швеции. (В некоторых вузах требования повыше.) Это:

1. Свидетельство об окончании начальной (девятилетней) школы.

2. Свидетельство об окончании реальной гимназии.

По окончании реальной гимназии предоставляется право сдать экзамен на инженера.

3. Свидетельство об успешной сдаче этого экзамена.

4. Четыре года стажа работы (лучше по специальности, но необязательно. Время, проведенное дома с детьми, не учитывается).

Но если закончена высшая техническая школа, достаточно одного года стажа.

В любом случае необходимо знание английского языка. Другие языки его не заменяют.

— Судя по тому, что ты рассказала, сам процесс учебы должен очень отличаться от нашего. У вас, наверное, каждый день экзамен?

— Почти так. Зато у нас нет нервотрепки сессий и защиты диплома.

— Как?

— Все очень просто. Две недели учебы (теории) чередуются с двумя неделями практики. Причем студенты сами ездят по предприятиям, находят и уговаривают специалистов стать их руководителями.

Перед очередной практикой всей группе задается вопрос. На производстве студент собирает информацию и готовит ответ. Часто приходится заниматься самостоятельно в лабораториях. А однажды даже производила экологический анализ: брала на пробу воду, почву, измеряла радиацию и присутствие газов в воздухе. Сама.

Когда время практики кон-

чается, мы по очереди читаем свои отчеты, которые являются частью дипломной работы. Преподаватель иногда задает вопросы.

— А теоретическая часть?

— Следующие две недели мы ходим на лекции, а потом сдаем экзамен, за который получаем 1, 2 или 3 балла, в зависимости от того, по какому предмету экзамен. За один семестр мы должны набрать по 20 баллов. Чтобы получить диплом инженера, нужно накопить 60 баллов.

— Какие предметы вы изучаете?

— Вот, посмотри расписание: Теория частиц. Лабораторные работы. Измерение газов и летучих веществ.

Теория измерений.

Математика.

Эргономика.

Климат в помещении.

Техника очищения воздуха.

Экология.

Ну и другие. Еще порядочно.

— Да...

Честно говоря, мне стало не по себе. Неужели шведская молодежь начисто лишена радости бытия? Я представила себе девушек и парней, блондинов и брюнетов, стиснутых жесткими рамками и еще более жесткими требованиями. И вспомнила наше студенческое веселье. Погружаясь в глубокую жалость к своей собеседнице и остальным студентам соседки-Швеции, я стала механически перебирать фотографии. И вдруг наткнулась на снимок, подобный которому (если не считать фотобумаги «Кодак») можно увидеть почти у любого нашего студента: заставленный

стол, несколько парочек, отплясывающих рок-н-ролл и Риту, неприступного инженера по технике безопасности, хохочущую над шуткой какого-то длинноволосого студента. На душе стало легче и я спросила:

— А как вы веселитесь?

— Около общежитий есть студенческое кафе «Sockerbord» — «Сахарная тарелка». Аренда помещения этого кафе входит в плату за общежитие, а в кафе проходят дискотеки. Мы их сами устраиваем, когда захотим.

Истинно шведский ответ. Наверное, Рита не видела, что я разглядывала фотографии.

Катрина Вайно,

наш корр.

Трольхеттан—Таллинн.

Квунтас и Катарина:

«Нам очень нравится учиться в Йёнчёпинге. Но когда мы в первый раз услышали, что в этом городке есть вуз, нам

стало просто смешно. Ведь при слове «вуз» на ум приходят «солидные» университетские города: Уппсала, Лунд и дру-

гие. Все-таки это нас заинтересовало, стали расспрашивать знакомых. Короче, учимся мы здесь с осени. И все в полном порядке!»